

Деньги периода Первой мировой войны: российский опыт (1915–1917 гг.)¹

Александр БУГРОВ

Начальник отдела
Управления историко-просветительской
и экспозиционной деятельности
Департамента исследований
и прогнозирования Банка России,
кандидат исторических наук

Первая мировая, или «Великая война», как называли ее современники, в России ее еще называли «отечественной» (сочетание «Великая отечественная» восходит к тому времени), перекроила карту Европы, уничтожив четыре империи и создав новый мировой порядок. Во всех европейских странах, участвовавших в войне и в своем большинстве не готовых к ее длительному характеру, денежная эмиссия стала важным источником покрытия расходов военных лет.

Изложение хронологии этого явления к настоящему времени дано почти исчерпывающее. Особенно привлекают детали, позволяющие по-новому взглянуть на причины появления государственных денег-марок и купюр новых номиналов (тема интересна не только историкам, но и многочисленным собирателям, имеющим в своих коллекциях денежные знаки Великой войны).

Насколько можно судить по сохранившимся в Российском государственном историческом архиве документам, весной 1915 г., когда в России уже ощущался монетный голод и требовались новые денежные знаки, обсуждался проект известного российского экономиста Петра Петровича Мигулина (1870–1948), профессора Харьковского и Петроградского университетов. В Министерстве финансов опасались раскручивания инфляции и были рады

предложениям по насыщению казны в условиях сдержанного расширения эмиссионного права Государственного банка. Поскольку привлечение внешних и внутренних займов использовалось на пределе возможностей, проект Мигулина вызывал большой интерес. Он возник в связи с исчерпанием лимита выпуска необеспеченных золотом бумажных денежных знаков, предусмотренных законом от 27 июля 1914 г., доведшим этот предел до 1,5 млрд. руб. (в отличие от более раннего «эмиссионного» закона от 29 августа 1897 г., ограничивавшего такую эмиссию суммой 300 млн. руб.) [1]. На заседании Комитета финансов 4 марта 1915 г. было принято решение добиваться увеличения эмиссионного права Государственного банка на сумму до 1 млрд. руб. (17 марта того же года оно было утверждено [2]), а также проработать вопрос «о выпуске особых казначейских денежных знаков», не подлежащих в будущем размену на золото [3].

Как писал министр финансов Петр Львович Барк, «особые казначейские билеты» могли бы выпускаться для платежей с казной; они «не давили бы на денежное обращение и в будущем облегчили бы переход к размену кредитных билетов на золото» [4]. «Новые, непременно мелкие билеты не должны иметь сроков и приносить проценты... Кредитные билеты и билеты казначейства не могут конкурировать друг с другом, так как они будут разных купюр. Перемены рисунков и размеров обращающихся орудий платежа у нас не редки, и это не вызывает никакого недоверия со стороны населения к новым образцам» [5]. Даже в Англии, отмечал Барк, выпущены подобные казначейские билеты (*currency notes*), не говоря уже о Германии, где мелкие купюры эмитировались казначейством.

Мигулин предлагал передать выпуск кредитных билетов «низших купюр» номиналами в 1, 3 и 5 рублей Казначейству, что выводило эти денежные знаки за пределы золотого покрытия, так как казначейские эмиссии обеспечивались текущими налоговыми поступлениями. В Германии такие эмиссии практиковались уже в первые годы Германской империи и восходили к казначейским выпускам первой половины XIX в. Во многом опираясь на прусский опыт таких *Tresorscheine*, министр финансов Е.Ф. Канкрин ввел в России обращение государственных кредитных билетов, в 1843 г. сменивших банкноты Ассигнационного банка.

По Мигулину, новые бумажные деньги не были обязательны к приему частными лицами в неограни-

¹ Статья подготовлена на основании доклада, прозвучавшего на Международной нумизматической конференции, которая прошла 5–6 октября 2017 г. в Минске

ченном размере, «а только наравне с высокопробным серебром – до 25 рублей на один платеж» [6]. По отношению к платежам казне они были бы обязательны к приему на любую сумму, что автоматически делало их востребованными населением.

Проект был отдан на рассмотрение группе экспертов, в которую входили как ученый с именем Илларион Игнатьевич Кауфман, так и молодые, но уже известные экономисты Михаил Иванович Туган-Барановский, Михаил Владимирович Бернацкий и Михаил Иванович Боголепов. В качестве экспертов также были приглашены предприниматель и банкир Александр Иванович Вышнеградский (сын министра финансов), чиновник Министерства финансов и автор работ по экономическим вопросам Александр Николаевич Гурьев.

Из них лишь Туган-Барановский выступил в защиту проекта. Он считал возможным воплотить его в жизнь уже после войны, одновременно с планировавшимся восстановлением размена на золото. Мысль Мигулина ученый назвал «теоретически правильной» [7]. Она была близка последователям «банковской школы», допуская эмиссию без строгой привязки к золотому запасу, для нужд развития экономики. Ее разделял и Туган-Барановский, подчеркивавший разницу между эмиссионной операцией европейских центральных банков и Государственного банка. Если на Западе, по его мнению, они были прежде всего учреждениями коммерческого кредитования, то «у нас же Государственный банк есть государственное учреждение, служащее на первом плане интересам нашего государственного хозяйства и только на втором плане – интересам торговли и промышленности» [8]. «Государственный банк, – продолжал он, – обслуживает иные нужды, чем центральные эмиссионные банки Западе. Огромные выпуски билетов низких купюр имеют у нас своей целью снабдить население необходимыми ему денежными знаками. Государственный банк выполняет в данном случае те же функции, что и монетный двор» [9].

Туган-Барановский подчеркивал, что и Рейхсбанк, и Банк Франции не выпускали купюр низких номиналов: Рейхсбанк эмитировал банкноты от 20 марок, Банк Франции – не ниже 20 франков, хотя фактически среди билетов этих банков преобладали «гораздо более крупные купюры» [10]. Поэтому вполне правильно приравнять рублевые и трехрублевые кредитные билеты к доплатной монете – «простому биллону», не делая, однако, этого для пятирублевого билета, который до войны разменивался на золотую монету аналогичного достоинства.

Ученый подчеркивал, что «наше денежное обращение характеризуется ныне огромным увеличением выпуска кредитных билетов на потребности военной обороны страны... Несомненно, эти выпуски будут продолжаться и впредь. В то же время наш расчетный баланс благодаря войне и почти полному прекращению нашего вывоза стал для нас резко неблагоприятным. При таком положении дела падение курса нашего рубля было неизбежно, и никакие усилия финансового ведомства не могли этому

помешать. Всякая мера, которая может увеличить недоверие денежных кругов Запада к устойчивости нашей валюты, должна быть поэтому в настоящее время особенно избегаема. Мы не можем считаться с недоверием Запада к восстановлению у нас золотой валюты после войны» [11].

Проект Мигулина, по его мнению, должен был произвести неблагоприятное впечатление на союзников: «Если выпуск билетов низших купюр перейдет в Государственное казначейство, то на выпуски эти ляжет печать некоторой таинственности, которая будет вызывать общественное недоверие» [12].

Гораздо более категорично высказывались другие эксперты. По мнению А.И. Вышнеградского, «при малой образованности населения изменение в порядке выпуска билетов, в особенности при трудности провести в России определенную грань между ответственностью Государственного казначейства и Государственного банка, может быть истолковано в совершенно превратном смысле и может вселить смуту в умы малограмотного населения» [13].

Бернацкий также считал, что новые бумажные денежные знаки способны создать путаницу и вызвать подозрительность населения, которая «всегда усиливается в тревожное время» [14]. Поэтому «с точки зрения интересов денежного обращения мера эта – излишняя и сомнительная» [15].

Резко отрицательную позицию к проекту занял И.И. Кауфман, чье участие в обсуждении стало одним из последних в жизни ученого². Обращение двух видов бумажных денег (банкнот и казначейских билетов), считал он, может себе позволить только очень богатая страна. Попытку извлечь какую-либо выгоду после войны от размена на золото не всех номиналов купюр Кауфман назвал «экспериментом», противным опыту, а «такие эксперименты кончаются очень плачевно» [16].

К мнению Кауфмана присоединились А.Н. Гурьев и М.И. Боголепов. По Гурьеву, «не представляя никаких преимуществ для настоящего времени, проектируемые билеты не обещают никаких выгод и для будущей операции восстановления размена» [17]. Напротив, проект введения «второго сорта» бумажных денег, по его мнению, «угрожает внесением крупных замешательств в наше денежное обращение» [18]. Боголепов называл предложенную Мигулиным меру «излишней» [19].

Отрицательные мнения вслед за экспертами высказали и члены Комитета финансов И.Я. Голубев, С.И. Тимашев и П.А. Харитонов.

Барк, несомненно, учел критические отзывы на проект, осуществление которого в период войны, по его словам, «было менее желательным, но необходимым» [20]. Они вынудили его отказаться от идеи казначейских билетов – вместо этого он вынужден был периодически прибегать к увеличению лимита выпуска непокрытых золотом кредитных билетов. 27 декабря 1916 г. он был доведен до 6,5 млрд. руб., и таким образом количество непокрытых золотом бумажных денег в обращении возросло в 21 раз [21].

Требовалось огромное количество бумажных денежных знаков – в объемах, с изготовлением

² Кауфман И.И. умер в Петрограде 25 декабря 1915 г.

которых не успевала Экспедиция заготовления государственных бумаг. Особенно значительной была потребность учреждений Государственного банка в кредитных билетах однорублевого достоинства: если обычно в месяц она составляла до 10 млн. руб., то в августе 1915 г. их было затребовано вдвое больше, а в сентябре требования достигли 23,9 млн. руб. [22].

На заседании 9 ноября 1915 г. Комитет финансов рассматривал вопрос об изменении порядка изготовления этих билетов, наиболее употребимых купюр в России накануне Первой мировой войны. Управляющий Государственным банком Иван Павлович Шипов (рисунок 1) доложил о затруднениях при их срочном изготовлении. В то время печать однорублевых билетов осуществлялась в Экспедиции, а факсимиле подписей проставлялись в Грифовальном отделении Государственного банка («где чинами банка и Экспедиции кредитные билеты подвергаются нумерации и наложению путем грифования подписи кассира») [23].

Ввиду значительных требований на однорублевые билеты в Грифовальном отделении были организованы ночные смены. Работа продолжалась круглые сутки, включая праздничные дни. По словам Барка, «занимающийся в этом отделении женский персонал и счетчики разделены на две смены – дневную и ночную, из которых первая работает с

9 часов утра до 8 часов вечера и последняя – с 9 часов вечера до 8 часов утра, причем смены еженедельно меняются (дневная заступает вместо вечерней и наоборот)» [24].

Даже несмотря на то, что производительность Грифовального отделения была доведена «до максимального размера» (11 100 тыс. листов в неделю), оно не справлялось со своей задачей. Так, в сентябре и октябре 1915 г. было изготовлено билетов однорублевого достоинства на 36,7 млн. руб., в то время как территориальные учреждения Государственного банка запросили их на сумму 51 млн. руб. Ко 2 ноября этого года числилось неудовлетворенных требований на однорублевые билеты на 23 млн. руб. [25].

По мнению Шипова, однорублевые купюры можно было изготавливать исключительно в Экспедиции – «подпись кассира и литеры серий, присваиваемые целому ряду билетов, могут быть выполнены печатным способом, но от нумерации кредитных билетов приходится отказаться» [26]. Эта мера не только увеличит их производство, «но и выгодно отразится на изготовлении кредитных билетов трех- и пятирублевых достоинств, неудовлетворенные требования на которые достигли 66 млн. руб., так как для нумерации и грифования этих последних билетов будут использованы машины, занятые в настоящее время для билетов рублевого достоинства» [27].

Члены комитета финансов (И.Я. Голубев, С.И. Тимашев, А.В. Кривошеин, П.А. Сабуров, М.Д. Дмитриев, А.П. Никольский и И.И. Кауфман) согласились с мнением Шипова, предложив лишь «помещать на кредитных билетах однорублевого достоинства наряду с литерами серий номера, присваиваемые целому ряду таких билетов, что может быть исполнено печатным способом» [28].

13 ноября 1915 г. царь утвердил составленный по этому вопросу доклад министра финансов, а 17 декабря того же года вышел соответствующий закон [29]. Денежные каналы страны стали наполняться однорублевками упрощенного изготовления, печать которых не прекращалась даже в период Гражданской войны³. Считается, что под одним номером изготавливали один миллион экземпляров таких билетов [30].

В последний год империи рублевый билет по своей покупательной способности (в начале 1917 года – 27 «довоенных» копеек [31]) фактически превратился в эквивалент биллонной монеты. Что же касалось самого биллона (монет номиналами 5, 10, 15 и 20 копеек с 1867 года чеканившихся в 500-й пробе серебра), то он уже практически не обращался, несмотря на его усиленные выпуски в годы Первой мировой войны [32].

Высочайшим указом от 23 июля 1914 года, принятым через несколько дней после объявления войны⁴, и законом от 27 июля того же года был отменен обмен кредитных билетов на золото. По мере движения кайзеровской армии по территории российской Польши в западных губерниях Европейской части империи резко усилился спрос на звонкую и разменную монету, «удовлетворить который полностью, несмотря на произведенные подкре-

Иван Павлович Шипов, управляющий Государственным банком в 1914–1917 гг.
Рисунок 1

³ При императорском правительстве были выпущены серии НА-1 – НА-127; при Временном правительстве – НА-128 – НА-200 и НБ-201 – НБ-310; при Советском правительстве – НБ-311 – НБ-400 и НВ-401 – НВ-524.

⁴ По Юлианскому календарю Первая мировая война началась 19 июля 1914 г.

пленения касс, учреждения Государственного банка и казначейства бывали в некоторых случаях не в состоянии» [33]. Используя панические настроения, спекулянты стали взимать за размен кредитных билетов немислимые ранее комиссионные, доходившие в приграничных местностях Подольской, Волынской и привислинских губерний⁵ до 15 рублей за «катеньку» (100-рублевый кредитный билет). Попытки воздействовать на этот процесс административными и полицейскими мерами не привели к желаемой цели, и учреждения Государственного банка вынуждены были ограничить выдачу разменной монеты на руки одному лицу суммой не более пяти рублей [34]. В особенно трудном положении оказались польские губернии вблизи линии фронта, из которых были эвакуированы казначейства и банковские учреждения. В некоторых городах городские власти и «обывательские комитеты» для устранения разменного кризиса стали выпускать эрзац-деньги – боны мелких номиналов, обеспеченные «взносом в кредитные учреждения ценностей на соответствующую сумму» [35].

В империи, согласно данным Государственного банка, золотая монета исчезла из обращения в начале 1915 г. [36]. К осени того же года исчезла и серебряная рублевая монета [37]. Монетный кризис сначала пытались ликвидировать увеличением объемов чеканки серебра⁶, но эта мера не принесла ожидаемых результатов. Более того, из обращения стала вымываться даже медная монета⁷ [38]. В Варшаве, Люблине, Риге и других городах наблюдался в полном смысле слова «монетный голод».

В первой половине 1915 г. спрос на серебряную монету приостановился (в обращение было выпущено значительное количество только что отчеканенных монет), но уже в августе того же года вновь пошли значительные истребования монеты, причем не только серебряной, но и медной [39]. В Министерстве финансов это явление справедливо связывали с отступлением царской армии, вынужденной оставить Варшаву, Брест и Гродно. По словам современника, «жители таких местностей, напуганные всевозможными слухами, стремились запастись возможно большим количеством разменной монеты, являющейся в глазах менее образованных людей денежными знаками с более осязательной ценностью, чем бумажные кредитные билеты» [40]. С другой стороны, на желание населения иметь монетное серебро и биллон влияла политика немецких оккупационных властей, поощрявших обращение монеты перед кредитными билетами, «вследствие чего (по прогнозу чиновников Министерства финансов) не исключалась возможность отлива серебряной и медной монеты в местности, занимавшиеся неприятелем» [41].

Отсюда под влиянием слухов тезаврации монеты стремительно распространялась вглубь Российской империи. С появлением беженцев это явление начало массово распространяться, став настоящим психозом в Петрограде, Москве и Киеве. В Государствен-

ный банк поступало все больше жалоб на недостаток монеты от городских властей, правительственных и общественных учреждений, банков, фабрик, заводов и прочих мест. Спрос на монету наблюдался по всей стране: в районах вблизи линии фронта, в крупных городах, на юге России и на Кавказе [42]. В этих условиях в Министерстве финансов стали вызревать идеи о замене разменной мелочи и 50-копеечных монет бонами.

Из-за того, что проблему надо было решить быстро, Министерство финансов остановилось не на идее изготовления денежных билетов, а на использовании для этой цели почтовых марок, печатавшихся в память 300-летия Дома Романовых. Это технически позволяло осуществить выпуск новых денежных знаков в самые короткие сроки, так как формат и рисунок марок были уже разработаны, а в Экспедиции в достаточном количестве имелись станки для их печати (выпуск же других бумажных знаков потребовал бы времени на изготовление и утверждение их эскизов, а затем на изготовление необходимых клише для печати).

Выпуск известных собирателям денег-марок был разрешен постановлением Совета министров от 25 сентября 1915 г., после чего последовало соответствующее распоряжение, подписанное временно управляющим Министерством финансов сенатором А.И. Николаенко. Марки предполагались в качестве временной меры. Считали, что по изготовлении достаточного количества монет они будут изыматься из обращения.

Марки были выпущены номиналами 1, 2, 3, 10, 15 и 20 копеек⁸. В отличие от знаков почтовой оплаты их печатали на более плотной бумаге с надписью на обороте «Имеет хождение наравне с серебряной разменной монетой» или «Имеет хождение наравне с медной монетой»⁹.

Первые «разменные марки», как официально называли эти денежные знаки, были выпущены в обращение 30 сентября 1915 г. в Петрограде достоинствами 10, 15 и 20 копеек [43] (рисунок 2). Экви-

Разменная марка достоинством 15 копеек образца 1915 г.
Рисунок 2

⁵ Так официально именовали десять губерний российской Польши (Царства Польского).

⁶ Если в 1913 г. серебряной монеты было выпущено на 4,9 млн. руб., то в 1915 г. – на 41,8 млн. руб.

⁷ В 1915 г. на Петроградском монетном дворе было выпущено медной монеты на 3,2 млн. руб., что более чем вдвое превышало аналогичный показатель 1913 г. (1,4 млн. руб.).

⁸ Разменные марки в 1, 2 и 3 копейки образца 1915 г. выпускались в обращение до начала апреля 1916 г.

⁹ Их в обязательном порядке должны были принимать в уплату казначейских сборов, что облегчило их признание населением.

валентные разменному серебру, они появились прежде всего в тех регионах, где ощущался наибольший недостаток монеты [44]. Одновременно Министерство финансов приступило к «расширению оборудования монетного двора». Заказ на чеканку биллона (10 и 15 копеек) был также размещен на Осацком монетном дворе в Японии [45].

Очень скоро выявились недостатки разменных марок. И дело было не только в их малом размере, быстрой изнашиваемости и неудобных зубчатых краях. Марки путали из-за «отсутствия резкой отличительной расцветки» [46]. Они быстро загрязнялись, и их в таком виде отказывались принимать государственные учреждения и торговцы.

Все это заставило вернуться к вопросу о бонах мелких достоинств. В ноябре 1915 г. министр финансов П.Л. Барк представил в Совет министров доклад о предоставлении права выпуска таких казначейских знаков. Они должны были заменить в обращении разменные марки и оставаться на руках у населения до конца войны, «как окажется возможным выпустить в обращение разменную монету» [47].

По Барку, разменные казначейские знаки должны были выпускаться номиналами от копейки до полтинника (1, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 50 копеек). Сомнения вызывал последний номинал, так как 50-копеечная монета уже не относилась к биллону, чеканилась из высокопробного серебра (900°) и считалась «банковой». Но министр финансов настаивал на билете такого номинала, поясняя тем, что «серебряные полтинники исчезли из обращения – между тем ... монета такого достоинства обычно требовалась населением в большом количестве»; кроме того, «выпуск таких знаков, восполняя пробел между кредитным билетом в один рубль и 20-копеечным разменным знаком, несомненно, уменьшил бы требования на мелкие разменные деньги и тем облегчил бы в будущем переход от бумажных разменных знаков 20, 15 и 10-копеечного достоинства к разменному серебру» [48].

Предложения Барка были одобрены Советом министров и 6 декабря 1915 г. получили силу закона [49]. Их выпуск Экспедицией заготовления государственных бумаг был начат 18 декабря [50]. В первую очередь были выпущены знаки в 5 и 50 копеек, а затем – в 1, 2 и 3 копейки (рисунки 3). Прием бон между частными лицами официально был ограничен тремя рублями при каждом платеже (подобным образом российское законодательство регулировало и прием разменной монеты). Между тем правительственные учреждения могли их принимать на любую сумму¹⁰. Подобно кредитному билету, неплатежеспособной считалась бона, на которой не распознавалось изображение или когда она составляла менее 75% («трех четвертей») целого знака [51].

Менее чем за полгода, с конца сентября 1915 г. по начало марта 1916 г., разменных марок и бон было выпущено в обращение на 59,3 млн. руб. [52]. Это количество, по признанию современников, составляло предел печатных возможностей Экспедиции заготовления государственных бумаг, перегруженной за-

Разменный казначейский знак 5 копеек образца 1915 г.
Рисунок 3

казами на изготовление облигаций государственных займов [53]. Боны не заменили в обращении марки, как это планировали изначально. Они обращались параллельно, полностью вытеснив из обращения разменную монету¹¹. Попытки периодически «вбрасывать» ее в обращение были бесперспективны, и это осознавали в Государственном банке. По мнению директора банка Николая Игнатьевича Бояновского, «все данные говорят за то, что и это серебро будет припрятано, так как ни в финансовом, ни в военном нашем положении никаких существенных улучшений не последовало. Монету только тогда перестанут припрятывать, когда нам не будет угрожать дальнейшее движение неприятеля – то есть после заключения мира или таких военных успехов, которые дадут уверенность в полной победе над врагом» [54].

К весне 1916 г. разменный кризис вновь дал о себе знать. Не хватало уже марок и бон. Особенно большой недостаток испытывался в денежных знаках до трехкопеечного достоинства (включительно). Управляющий Государственным банком Иван Павлович Шипов запросил мнения о сложившейся ситуации директоров банка Н.Р. Зейме и Н.И. Бояновского. Оба настаивали на продолжении «бумажных» эмиссий. Николай Рудольфович Зейме предлагал прекратить выпуск знаков в 10, 15 и 20 копеек с тем, чтобы сосредоточиться на производстве мелких знаков достоинством 1, 2 и 3 копейки [55]. Бояновский считал, что можно и вовсе отказаться от бон, изготовление которых требовало больше времени, чем марок, и печатать разменные марки (исключение он делал только для бон в 5 и 50 копеек, не имевших аналога по номиналу в марках) [56].

¹⁰ Кроме таможенных сборов.

¹¹ Согласно данным Государственного банка (март 1916 г.), в среднем ежедневно население использовало разменных марок на сумму примерно 407 тыс. руб.

Эти мнения Шипов озвучил министру финансов 9 марта 1916 г., который вынес их на обсуждение особого совещания. Судя по дальнейшему развитию событий, они получили одобрение, и по постановлению Временного правительства от 21 сентября 1917 г. был налажен выпуск разменных марок номиналами в 1, 2 и 3 копейки [57]. Эти денежные знаки уже печатались без царского герба на обороте «с нанесением на лицевую сторону таковых марок достоинствами в одну и две копейки черной краской цифр размером до 15 мм высоты, отвечающих достоинству подлежащих марок» [58]. Согласно циркуляру Государственного банка от 6 октября 1917 г., их следовало хранить в конвертах на сумму по 10 руб. каждого достоинства [59]¹².

В народном сознании разменные марки не считались эквивалентом разменной монеты. Их рассматривали как эрзац-деньги, от которых нужно избавляться при первой возможности. В Феодосии весной 1916 г., по словам современника, «в магазинах, а особенно на базарах, стали отказывать в приеме совершенно годных к употреблению марок. Встревоженная публика начала предьявлять к обмену годные марки, требуя взамен кредитные билеты, результатом чего появилось опять стеснение при расчетах» [60]. В декабре того же года «необыкновенный наплыв публики» наблюдался в Омском отделении Государственного банка: марки и казначейские билеты массово предьявляли к обмену на звонкую монету [61]. По мнению управляющего отделением, «обстоятельство это вызвано было распространившимися в городе слухами, что марки и знаки после 15 декабря [1916 г.] изъемяются из обращения и не будут приниматься в платежи. По слухам, в некоторых лавках торговцы отказывались принимать эти денежные знаки в платеж за проданные продукты и товары» [62].

Сомнения подкреплялись наплывом фальшивых разменных марок, появившихся в разных местностях Российской империи. По свидетельству современника, в западных губерниях «редкая... типография, пользуясь отсутствием полиции, не изготовляет миллионов марок; выпускается колоссальное количество фальшивых марок» [63]. Причинами этого была их невысокая себестоимость и отсутствие сколько-нибудь серьезной защиты от подделок.

В правительственных кругах бытовало мнение, что после выпуска из банковских касс серебра и меди население выпустит всю припрятанную монету в обращение [64]. Поэтому отдельные учреждения Государственного банка все еще выдавали биллонную и медную монету. Согласно докладу Зейме (январь 1917 г.), она высылалась в Сибирь, в Среднюю Азию и Закавказье, а также в четыре отделения банка, расположенные в европейской части империи: Екатеринбургское, Армавирское, Ейское и Астраханское (во все остальные вместо мелочи отправлялись бумажные знаки) [65]. Но это не могло изменить общей картины в стране, что лишней раз подтверждали объемы выпущенных в обращение монет и бон. Известно, что с января по сентябрь 1916 г. было выпущено медной монеты на 1,1 млн. руб. и одновременно на 8,6 млн. руб. эквивалентных по номиналу казначейских знаков [66]. Но самым

главным фактором (и об этом настойчиво докладывал Н.И. Бояновский) стала народная психология, способствовавшая развитию тезаврации. «К сожалению, – писал он, – психология населения является областью неизвестной... Можно только гадать – а на гаданьях, казалось бы, неприлично обосновывать финансовые мероприятия. Скорее, можно предположить, что население перестанет дорожить своими запасами монеты только при исчезновении вызванной войной тревогой» [67].

В итоге появившиеся в обращении партии разменной монеты нередко оседали у спекулянтов. По словам Н.Р. Зейме, «выпуск серебряной монеты хотя бы только в некоторых районах дает полную возможность всем желающим получить ее в любом количестве для спекулятивных целей и значительно отдалает время восстановления повсеместного выпуска серебра, так как уменьшает запасы такового в банке, не уменьшая количества марок в обращении» [68]. Это же касалось и медных монеты, которые также припрятавали, так как рыночная цена меди намного превышала стоимость такой в монете (50 рублей за пуд¹³).

В Государственном банке говорили о необходимости прекратить снабжение отделений биллонной и медной монетой и остановить изготовление последней. Известно, что монетарные власти одобрили план чеканки номиналов прежних медных монет (1, 2, 3 и 5 копеек) по окончании войны в «особом сплаве» [69]. Планировали также заменить разменное и мелкое серебро. Согласно исследователю российского денежного обращения В.В. Узденикову, сохранилась лишь одна пробная никелевая монета 25-копеечного достоинства, а также полный набор маточников на Санкт-Петербургском монетном дворе для изготовления штемпелей никелевых монет четырех номиналов – 10, 15, 20 и 25 копеек, датированных 1916 г. [70].

Между тем война требовала все новых денежных знаков, которые появлялись непривычными для населения номиналами. На основании постановления Временного правительства от 9 мая 1917 г. аналогично однорублевым кредитным билетам стали изготавливаться и пятирублевки упрощенного изготовления с нумерацией только серии выпуска (двумя буквами и тремя цифрами) [71]. По постановлению от 26 апреля того же года с 9 июня начался выпуск в обращение государственного кредитного билета 1000-рублевого достоинства [72], который в народе окрестили «думской» (по изображению здания Государственной думы в Петрограде). Согласно приложенному «описанию» купюры, «билет отпечатан на белой бумаге с водяным знаком, образующим узор из сложенного переплетения вытянутых по длине билета крупных эллипсовидных фигур, образованных светлыми дугообразными полосами на темном фоне» [73] (рисунком 4).

С принятием 22 августа 1917 г. нового правительственного постановления стали выпускать и 250-рублевый кредитный билет [74]. Считается, что клише обоих денежных знаков были выполнены для Экспедиции заготовления государственных бумаг с использованием отдельных элементов, печатавшихся

¹² В конверт с марками трехкопеечного достоинства следовало добавлять одну марку в 1 копейку.

¹³ Равен 16 кг 380 г.

Государственный кредитный билет 1 000 рублей
образца 1917 г. Обратная сторона.
Рисунок 4

по заказу монгольских денег. Отсюда – изображение свастики как солярного знака на обеих купюрах (традиционный монгольский символ «Хас») [75].

Наконец, по постановлению Временного правительства от 22 августа 1917 г. был начат выпуск казначейских знаков в 20 и 40 рублей – печально известных «керенок» (по имени министра-председателя правительства А.Ф. Керенского), наводнивших страну в Гражданскую войну (рисунок 5). Согласно официальной формулировке они выпускались в качестве временной меры, вызванной чрезвычайными обстоятельствами, приравнивались к государственными кредитными билетами и были обязательны к приему в платежи [76].

Знаки печатались отдельными листами – по 40 знаков на листе – и, как циркулярно было объявлено казначействам и учреждениям Государственного банка, могли выдаваться как целыми листами, так и отдельными экземплярами, отрезанными от листа. Для ускорения снабжения новыми знаками «образцы» предварительно не рассылались, для ознакомления кассиров с казначейскими билетами разрешалось брать два листа отпечатанных знаков каждого достоинства из первой поступившей партии, пробивать их перфоратором, служившим для пробивания цифр на документах для перевода, и выставлять в рамках у приходно-расходных касс учреждения (подобным образом поступали с билетами 5-рублевого достоинства упрощенного изготовления) [77]¹⁴.

Необычные номиналы керенок, прежде не встречавшиеся в России, по-видимому были связаны с желанием не повторять достоинство уже известных

купюр, чтобы не вызвать путаницы среди населения. К тому же 20 и 40 рублей примерно соответствовали «довоенным» кредитным билетам низшего достоинства (известно, что к ноябрю 1917 г. рубль уже стоил 6–7 прежних копеек) [78].

Все эти заменители монет вскоре превратятся в обесцененный бумажный мусор. Номинированные в копейках боны и разменные марки потеряли актуальность и выводились из обращения уже новой властью с августа 1919 г. Декрет Совета народных комиссаров от 8 сентября 1922 г. «Об установлении однородности денежного обращения» подвел окончательную черту: все денежные билеты прежних выпусков, включая кредитные билеты царского и Временного правительств, казначейские знаки и, как было сказано в декрете, «суррогаты денежных знаков», были лишены статуса платежного средства и до 1 октября 1922 г. подлежали обмену из расчета 10 тыс. рублей за один рубль 1922 г. [79].

Казначейский знак 40 рублей образца 1917 года («керенка»)
Рисунок 5

Список использованной литературы:

1. Беляев, С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. – СПб., 2002. – С. 236.
2. Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. – М., 1960. – С. 134.
3. РГИА. Ф. 563. Оп. 3. Д. 517. Л. 6.
4. Там же. Л. 2.
5. Там же. Л. 2 об.
6. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1075. Л. 2.
7. Там же. Л. 2–2 об.
8. Там же. Л. 2–2 об.

¹⁴ Платежеспособными считались керенки, распознаваемые по внешнему виду и составлявшие по площади не менее трех четвертей целого знака.

9. Там же. Л. 2 об.
10. Там же. Л. 20.
11. Там же. Л. 4–4 об.
12. Там же. Л. 4 об.
13. Там же. Л. 1 об.
14. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1097. Л. 3 – 3 об.
15. Там же. Л. 4.
16. Там же. Л. 7 об., 15 об.
17. Там же. Л. 33 об.
18. Там же. Л. 35.
19. РГИА. Ф. 1576. Оп. 1. Д. 183. Л. 58 об.; Беляев, С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. – СПб., 2002. – С. 239.
20. РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 517. Л. 3 об. – 4.
21. Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. – М., 1960. – С. 134–135.
22. РГИА. Ф. 587. Оп. 60. Д. 35. Л. 13.
23. РГИА. Ф. 563. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
24. РГИА. Ф. 587. Оп. 60. Д. 35. Л. 13 об.
25. Там же. Л. 1–1 об.
26. Там же. Л. 1–1 об.
27. Там же. Л. 1 об.
28. Там же. Л. 2.
29. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915 год. 17 декабря. Отдел 1. Второе полугодие. Пг., 1915. Ст. 2722. С. 3508.
30. Михаэлис А.Э., Харламов Л.А. Бумажные деньги России. Б.м., 1993. Раздел: Разменные [казначейские] билеты 1915 г.; Денисов, А.Е. Бумажные денежные знаки России 1769–1917 годов. Часть 3. Государственные бумажные денежные знаки 1898–1917 годов. – М., 2004. – С. 62.
31. Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. – М., 1960. – С. 145.
32. Об объемах эмиссии российской биллонной монеты в 1914–1917 годах. См.: Уздеников, В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах: 1700–1917 гг. – М., 1995. – С. 43, 157.
33. Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые девять месяцев войны (июль 1914 г. – апрель 1915 г.). – Пг., 1916. – С. 105–106.
34. Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые девять месяцев войны (июль 1914 г. – апрель 1915 г.). – Пг., 1916. – С. 106.
35. Там же. С. 106.
36. РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 444. Л. 2–9.
37. Там же. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1081. Л. 1 об.
38. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1081. Л. 2.
39. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1081. Л. 2 об.
40. Там же. Л. 3.
41. Там же. Л. 3.
42. РГИА. Ф. 587. Оп. 60. Д. 35. Л. 14 об.
43. РГИА. Ф. 587. Оп. 60. Д. 35. Л. 13 об. – 14.
44. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1081. Л. 4.
45. Уздеников, В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах: 1700–1917 гг. – М., 1995. – С. 156–157.
46. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1081. Л. 4.
47. Там же. Л. 4 об.
48. Там же. Л. 4 об.
49. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915 год. 17 декабря. Отдел 1. Второе полугодие. Пг., 1915. Ст. 2722. С. 3508–3513.
50. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1081. Л. 4 об.
51. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 131. Л. 6.
52. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1081. Л. 5.
53. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1081. Л. 5.; Там же. Ф. 587. Оп. 33. Д. 447. Л. 1.
54. РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 447. Л. 4.
55. Там же. Л. 2 об.
56. Там же. Л. 4–5 .
57. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 131. Л. 155 об.; История денежного обращения России. Т. II: Альбом-каталог денежных знаков. – М., 2011. – С. 96–97.
58. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 131. Л. 155 об.
59. Там же. Л. 153.
60. РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 447. Л. 6.

61. Там же. Л. 36.
62. Там же. Л. 36.
63. Там же. Л. 44.
64. Там же. Л. 28.
65. Там же. Л. 31.
66. Там же. Л. 22.
67. Там же. Л. 27 об.
68. Там же. Л. 31.
69. РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 447. Л. 31 об.
70. Уздеников, В.В. Монеты России XVIII – начала XX века. Очерки по нумизматике. – М., 1994. – С. 164–165.
71. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 131. Л. 99; *Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917 год. 6 июня. Отдел 1. Первое полугодие. Пг., 1917. Ст. 695. С. 1111.*
72. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 880. Л. 29.
73. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 131. Л. 89.
74. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 131. Л. 144–145 об.; *Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917 год. 15 сентября. Отдел 1. Второе полугодие. Пг., 1917. Ст. 1504, 1506. С. 2557–2562.*
75. «Русские» монгольские банкноты и облигации 1916–1983 гг. / Авт.-сост. Н.М. Никифорова. – М., 2016. – С. 6–13.
76. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1088. Л. 1.; Там же. Ф. 587. Оп. 56. Д. 131. Л. 142; *Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917 год. 15 сентября. Отдел 1. Второе полугодие. Пг., 1917. Ст. 1505, 1507. С. 2558, 2562–2564.*
77. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 131. Л. 99–99 об., 142.
78. Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. – М., 1960. – С. 145.
79. *История денежного обращения России. Т. II: альбом-каталог денежных знаков. – М., 2011. – С. 80–97; История Государственного банка СССР в документах. – М., 1971. – С. 165.*